

Тих и задумчив заполярный Енисей в безветрие. Неукротимо свиреп в северный навальный ветер, от которого гибельно быстро прибывает вода и кудлатятся, жмутся к земле сухопарые лиственницы, редколапые кедры, болезненные березки. И вс? тогда: деревья, кусты, люди поворачиваются к ветру спиной. И Енисей покрывается белыми лоскутьями волн. От северного ветра наволочная ? низкая ? сторона вся в длинных ступенях. Начинаются они у далекого леса и спускаются к самой воде. Гуляла крутая волна в весеннее половодье, била в берег, подмывала его, гладила-выравнивала осыпь ? получилась первая, верхняя, ступень. С разгаром лета спадала вода. Но вот взыграл северный ветер, и вздыбленные волны закладывали в береговой круче новый уступ. В межень оголялись пески, и волны уже не достигали ступеней. Они долго, тонко расстилались по песку, перекаывая гальку, подшибая куликов, плишек и чаек, которые тут пасутся, ожидая, когда волна вынесет ерша, гальяна или другую какую рыбешку-раззяву. На другом берегу валами лежит камешник, образуя мысы. С крутых яров, прошитых корнями, упали лиственки, березки. Лежат вниз вершинами, и все же некоторые и в таком положении умудряются братья зеленью. Гнуса тут спасается от ветра ? тучи. На каменной стороне уже с берега начинается темный лес и сразу, как только поднимешься на яр, видны проплешины тундры. Седой ягельник, усыпанный моршшкой и брусникой, как резиновый, скрипит под ногой и по нему ? без конца реденький березник, на котором черного больше, чем белого, и моху на ветвях больше, чем листьев. Неприветлива каменная сторона. Зато не нарадуется глаз, когда глянешь на наволочную! От самых песков, до такого блеска промытых, что на них даже смотреть больно, начинается трава, сначала редкая, мелкая, а потом выше, гуще, и дальше ? кустарники, да такие, что кулак не просунешь. В кустарниках ? множество озер. Почти все они сообщаются между собой с половодья оставшимися горловинами. Здесь гнездуются утки и гуси. А по берегу растет дикий лук. И не какой-нибудь хиленький лучишко, что выклеивается на каменных бычках в верховьях Енисея. Нет, здесь лук как огородный батун, и бывает его столько ? хоть литовкой коси. До войны, когда огороды в Игарке были только опытные, сильно выручались этим луком жители Заполярья. А нынче не то. Ныне настоящий, огородный лук растет в Игарке, да и завозят его отовсюду, даже из Грузии и из Китая. Но по старой привычке некоторые игарчане еще заготавливают дикий лук ? режут его и солят в бочки. Зима ? прибериха, а зима здесь долгая, и соленый лук иной раз в охотку с картошкой идет за наипервейшую еду. Подле берега на тихом газу тащилась лодка. Управлял ею Генка Гуцин ? здешний, игарский, парень. Посреди лодки на мешках с луком лежала кверху лицом Катя и сонно щурила темно-серые глаза в низкое северное небо. Катя ? гостя у Генки Гуцина и первый раз в Заполярье. Вот Генка и уговорил ее скататься на его лодке за луком. Тарахтит моторишко, волна от лодки раскидывается на стороны. Одна в берег ударяется, другая катится по водной глади, но даже середины реки не достигнув, изнемогает, успокаивается. Широкий Енисей. Тих Енисей. Неоглядна даль его. Генка лениво рулит и щурится. Катя первый раз видит его таким присмирившим, утихомирившим и, кажется, только сейчас и разглядела по-настоящему. У Генки жесткие, почти светлые волосы. Они осыпаются на правый глаз, но он их не подбирает, привык видно. Брови и ресницы у него тоже светлые, а лицо с прикипевшим обветрием. Удивительно живыми и ясными кажутся на этом лице глаза. Они у Генки, как нездоровые смородины ? даже прожилки есть, коричневые. Тарахтит моторишко. Бежит лодка. Сидит за рулем Генка, смиренный и тихий. Катя смотрела на него, улыбаясь. Генка, наконец, заметил ее пристальный взгляд и, немного смешавшись, спросил; ? Чего лыбишься? ? Да так, ? пожал плечами Катя и рассмеялась: ? Вспомнила, как мы познакомились. ? А-а, пужанул я вас тогда, х-хы! Было это зимой в доме отдыха, близ Красноярска, где отдыхала Катя вместе с подругами. Отдыхали всей бригадой. У них стало законом все делать вместе, даже отдыхать. Сидели девушки как-то в сосновом бору на скамейке, подошел к ним парень в каракулевой шапке набекрень, в полупальто нараспашку и без лишних слов предложил: ? Давайте знакомиться, ? и сунул руку той девушке, что с края сидела: ? Гуцин, стивидор! Насладившись произведенным эффектом, Генка хохотнул и дал разъяснение: ? Это значит ? грузчик. Этот самый Генка-стивидор начинал говорить, как только просыпался, и кончал говорить, когда засыпал. Впрочем, и во сне он продолжал что-то бормотать и вертелся в постели так, что простыни к утру оказывались на полу. Дружил он со всеми девчатами подряд и всех заговорил до смерти. На прощание переписал адреса и приглашал в гости на "край света". Все девчата дружно обещали приехать туда. С Катей у него были такие же отношения, как и с остальными девушками, но она менее снисходительно относилась к его словесным вольностям, несколько раз обрывала его и поправляла, когда он произносил неправильно слова. Генка говорил "одеюсь", вместо одеваюсь, "обуюсь"

? вместо обуваюсь, "лопотина!" ? вместо одежда и так далее. Генка не обижался, когда его поправляли. Он просто проглатывал замечания, раза три-четыре произносил слово, как ему велели, а потом опять дул по-старому. И вдруг ни с того, ни с сего Катя стала получать от Генки письма из Игарки. Короткие, написанные на чем попало, вплоть до рабочих нарядов. В письмах бывали шутки вроде такой: "Привет от старых щиблет". Но в конце каждого письма обязательно содержалась требовательная и серьезная приписка: "Жду ответа, как соловей лета". Катя стала отвечать ему и дописались они до того, что вот решила поехать в отпуск "на край света". Генка встретил ее на пристани, при всем народе схватил, поцеловал, и не успела она удивиться или возмутиться ? широко развел рукой: ? Вот, гляди ? Игарка! Про нее, может, стихов больше написано, чем про другой город областного масштаба, ? и он даже попытался прочесть стихи: Игарка, Игарка ? ты город полярный, на Севере вырос среди холодов... Но дальше Генка стихов не помнил и пощелкал от досады пальцами, как будто ловил ускользнувшие строки: ? Ах, черт, забыл. Стихи-то законные, но забыл! Генка тут же бросил мучаться со стихами и показал на здание, к которому вела длинная лестница с перилами: ? Во, речной вокзал! Здесь авиагидропорт был, а теперь все это на острове. Там, видишь мыс, ? выкинул он руку в направлении устья протоки, ? это называется ? Выделенная. Интересное название? Все просто. Огородили это место и нефтебазу там сделали и никого не пускают. Палят в случае чего. Выделили место, понимаешь? Тут, Катюха, есть такие названия ? умора. Вот, к примеру, магазин называется ? Крыса. Почему крыса? Потому что в этом помещении раньше пушнину принимали. Есть еще магазин Комендатурский. Есть еще... А знаешь, у нас тут все хорошие помещения горят. Было два кинотеатра ? сгорели. Был кинотеатр "Октябрь" ? сгорел. Дотла. На его месте смородину посадили. Шито-крыто. Теперь Дворец культуры строят, в старом городе. Первое каменное здание в Игарке. Чуешь? Шестой год строят и никак не достроят. Но уж зато он не сгорит, каменный-то. А так все горит! Только горсовет ни разу не горел. Даже пожарка сгорела в тридцать девятом году. Ага, вместе с каланчой: исторический город! Обрати внимание, ? остановился Генка возле столовой и магазина, на широкой деревянной мостовой, указывая критическим жестом на скамейки, возле которых стояли ящики с песком и было оглашено по-русски и по-английски, что это место для курения. А рядом, конечно, дощечка, на которой черным по белому изображена кругленькая сумма ? штраф. И хотя насчет штрафа написано только по-русски, на иностранцев эта дощечка все равно действовала сильнее, чем на наших. Откуда иностранцам знать, что у нас везде и всюду ужасно любят грозиться штрафами? И дозволено это делать всем, кто грамоту имеет, а потому эти вывески давным-давно утратили всякий авторитет и никто на них внимания не обращает. ? Престраховка! ? заявил Генка Гушин. ? Иностранцам только пища: "Так и так, в Советском Союзе курить не дают ? притеснение". Лучше бы город от опилок и щепья очистили. А вообще, Катюха, я тебе потом еще все покажу, и ты увидишь, что город наш все равно законный. Тут улица Шмидта есть. Да. Потому, что Шмидт приезжал. Я-то не помню. Вовсе мал был. Но приезжал. Еще улица Челюскинцев есть. Может, челюскинцы приезжали, да я этого не знаю. Жил Генка с матерью, в большом доме, над Медвежьим логом. Еще из ограды он закричал: ? Мам, гляди, я Катюху привел! Приехала! Я думал ? обманет. Мать вышла на скрипучее крыльцо, вытирая руки передником, и осадила Генку: ? Ну чего ты орешь на всю Игарку?! ? Радуюсь, мам, Катюха приехала! Я с ней в доме отдыха познакомился. Во! Хорошая девка, а? ? при этом Генка похлопал по спине Катю и подтолкнул к матери. Катя поздоровалась с Генкиной матерью, хотела что-нибудь сказать и не успела. Генка сгреб чемодан, подцепил ее, и они очутились в избе. ? Мам! ? на ходу руководил Генка. ? Ты рыбу жарь, стерлядку, а я мигом за поллитровкой. ? Господи! Да уймись ты, уймись, оглашенный! И рыба уже готова, и поллитровка в шкапике. ? Вот это мать! Это настоящая мать! Я только подумал, а она уж ? готово дело! ? наговаривая так, Генка тасил Катю по избе и показывал все подряд. ? Вот, гляди, ? ткнул он пальцем на подоконник, где в горшках силились бороться с северными невзгодами унылые помидоры, ? свои растим, ? и начал сокрушаться: ? Не поспели еще. Я говорю матери ? укол им надо сделать, со спиртягой. Люди сказывают, как сделаешь укол по науке, так помидор мигом покраснеет... ? Иди ты с такой наукой, ? отозвалась из кухни мать. ? Сроду не едала пьяных-то помидор и не буду. ? Отсталая, ? махнул рукой Генка в сторону кухни. ? Хорошая мать, но отсталая. Она, знаешь, раньше какая была? Во! ? раскинул Генка руки. ? А теперь только остожье осталось. С горя. Отца на войне убили, брата убили, а еще одного в печке сожгли, живьем. Вот они все на портретах. Это я отдавал увеличить. Ух, я бы этих фашистов! ? скрипнул зубами Генка. Ни Катя, ни мать так и не сумели обмолвиться ни словом, пока Генка не угомонился. Он уже в двенадцатом часу ушел спать в дровяник. Мать постелила на кровати, деликатно подождала, пока Катя разденется, и под села к ней. ? Ну, вот, слава Богу, и поговорить можно, унялся наш-то, ? и сокрушенно покачала головой:

? И согрешила же я, милушка, с ним! Только ночью да когда он на смену уйдет, покой вижу. С самого дня рождения, как открыл рот, так вроде и не закрывал. Ей-богу. Да что со дня рождения, еще в животе помещался, так, бывало, ка-ак пнет, я чуть с тротуара не упаду. Вот хотите ? верьте, хотите ? нет, целых штанов он не нашивал. Всю жизнь у него на ягодицах по глазку. Заплаты, заплаты, милушка. Отец-покойник говаривал: "Ты ему, мать, на заднее-то место доньшко от ведра пришивай". Да он и железо провертит. Катя улыбалась, слушая Генкину мать, и думала о том, что он, наверное, еще не донес голову до подушки и уже уснул. Но Генка неожиданно объявился в одних трусах и закричал: ? Мать! Где Катюхе постелила? На кровати? Правильно! Мягко ли? ? Генка тащил на плече за вешалку оленью доху-сокуй и бесцеремонно начал закутывать дохою Катины ноги: ? Ты с другого климата, а тут Заполярье, вечная мерзлота, ? укутывая Катю дохой, он между прочим ущипнул ее повыше колена, гыгыкнул и исчез так же стремительно, как и появился. ? Вот, видали, золото какое! ? проводив сына взглядом, вздохнула мать: ? Налетит, как вихорь, что к чему, ? мать еще помялась, повздыхала и разоткровенничалась: ? Он, милушка, все навыворот делает. Вот выключатель высоко, а он его не рукой, а ногой достает и выключает. Ногой, милушка, ногой. Жениться бы ему надо, авось усмиреет. Да ведь и то подумаю: ну, ладно, с ним я с ума схожу всю жизнь, мне уж полагается, сама такого уродила, а другой-то человек за что же маяться станет? Ведь он же заговорит, заболтает. Ему бы надо бабу такую, чтоб она его узлом закрутила, а из смиренной он сам таких узлов навяжет, что и миром не развязать... Катя долго не могла уснуть. И оттого, что так много услышала, и оттого, что было непривычно светло и ночь не наступала. Она осторожно поднялась, отодвинула занавеску, составила на пол горшки с помидорами и открыла окно. Прямо перед окном, как попало загороженный досками, огород. В нем кустилась еще низенькая картошка и были две грядки, на которых не бойко росли морковка, репа и лук, и совсем уже через силу тянулась капустаная рассада. "Конец июня, а картошка и капуста только силу набирают, когда же они вырастут?" ? подумала Катя. Но тут она увидела молчаливое солнце, окутанное прозрачной пленкой, над гребешком леса, за Енисеем. "Ах, да, ? спохватилась Катя, ? свет круглые сутки. За два месяца здесь все вырастает быстрее, чем на магистрали за четыре". Катя улыбнулась, вспомнив, что магистралью Генка называет все, что не относится к Северу ? ту благословенную землю, о которой вечно с завистью вздыхают северяне, а выедут туда ? и заскучают, закручинятся, да, глядишь, продадут последние монатки и двинут обратно в свой, неприветливый с виду, заполярный край. За городьбой ? Медвежий лог, в котором еще торчали источенные короedами и муравьями пеньки. Здесь был когда-то лес, и Генка говорил, что он еще в "молодые годы" ? так он называл детские годы ? вылавливал здесь силками куропаток. По ту сторону лога, уходя одним концом за поворот, а другим к причалам, стоял почерневший от времени и ветров забор лесобиржи. На бирже сплошь расселились под непромокаемыми крышами штабеля досок, брусков, плах. а дальше курился белым дымом выводок узкотелых труб. В одном месте забор упал, в лог вывалились доски, обрезки, чурбаки, опилки. Никто их не подбирал. Дров у игарчан полно. Иные дома и не видать из-за поленниц. Биржа была, как коробка, переполненная до краев добром, и крайние штабеля уже давно стояли на сгнивших и полусгнивших слоях опилок, щепья и макаронника ? так здесь зовут отходы от лесозаводов. Рядом с забором, похилившись набок, стояла баржа, и в ней росли лопухи. Весной в ледоход здесь отстаивались суда, и шкипер этой баржи загулял, а загулявши, позабыл о вверенном ему судне, и оно осталось на суше, да так вот и плавает по кособору. Об этом кате тоже успел сообщить Генка. Генка, Генка, Генка! На что бы ни глядела Катя, он глядел вместе с нею. Никогда бы и ни к кому не решилась поехать Катя, тем более что дальше дома отдыха она и не уезжала, а вот к Генке поехала. К Генке можно, он какой-то такой, сродственный ей, что ли. А чем? Только "мастью", так сказал однажды, еще в доме отдыха Генка потому, что волосы у нее такие же светлые, как у Генки. Катя у матери и отца была единственной дочерью. Отец ее всю жизнь проработал сапожником, вначале в какой-то частной мастерской, а потом на фабрике, в цехе раскроя. Мать в войну года три работала на заводе, а потом тяжело заболела и по сей день лежала в постели с отнявшимися ногами. Все заботы по дому легли на Катю. Она не доучилась и тоже поступила на работу, на ту же фабрику, где трудился отец. Они ходили всегда в разные смены, чтобы дома постоянно кто-нибудь находился при матери. И так бы они жили, уединенно, со своими невеселыми заботами, да вот все переменялось с тех пор, как бригада, в которой работала Катя, начала бороться за звание коммунистической. Кончилось ее одиночество. Девочки из бригады помогали ей по дому, она устроилась учиться заочно в техникум, сумела в дом отдыха съездить. Они же сделали все для того, чтобы Катя отправилась и "на край света" к Генке Гушину. Отец было в сомнение впал. Он уже привык к тому, что дочь постоянно дома, на глазах, но мать и девочки уломали отца. ? Не вековать же ей

со мною, ? сказала отцу мать, да и девчата очень уговаривали, ? и он сдался. А то бы и не побывать Кате в краю незакатного солнца, не повидать Генку и город этот, воспетый в стихах, и траву-пушицу. Вон ее сколько! Сплошь усеяла Медвежий лог махонькими облачками. Травка эта вроде длинной сапожной иглы, бледно-зеленая и пустая в середине. Стоит, стоит она, незаметная, тощенькая, и вдруг без всякой предварительной подготовки выстрелит пушком, и пушок болтается на ее острие до тех пор, пока ветер не оторвет его и не унесет туда, где он прорастает иголками. Долго смотрела Катя на пушицу, на голубичник и карликовые березки, еще не вытопанные скотом подле огорода. Было все так же светло, и все так же неназойливо, осторожно светило солнце, будто и ему было известно, что по человеческим законам сейчас все-таки ночь и людям полагается спать. В городе и впрямь тихо и спокойно. Только покрякивали на протоке пароходы, глухо шумел лесозавод. А потом по Медвежьему логу, крадучись, пополз туман, и на острове тоже появились пятна тумана. Там озера, и они, невзирая на солнце, туманились по утрам, как им и полагалось. Сделалось прохладно. Катя закрыла окно, поставила на подоконник горшки с зелеными помидорами и юркнула в постель, закрыла глаза. Перед ней замелькала пушица. Мягкая, шелковистая пушица. Катя проснулась поздно, и первое, что ей бросилось в глаза, это записка, прицепленная рыболовным крючком к ее платью. "Катюха! ? писал Генка. ? Приходи на морпричалы, поглядеть на иностранцев. На причалах законно, не покаеся". Катя позавтракала и отправилась на морпричалы. Дежурному на проходной было уже известно, что придет такая-то и такая-то, и ей беспрепятственно выдали пропуск. Генка работал на погрузке кокетливо раскрашенного греческого парохода. Он еще издали заметил Катю, махнул ей рукавицей и закричал: ? Ребята! Катюха пришла, знакомая моя, почти что невеста! ? и тут же хлопнул по пачке досок, которая спускалась на тросах лебедкою в люк. ? Катюха, ты видишь законное соседство коммунизма с капитализмом. Из этих досок капиталист какой-нибудь кресло соорудит, будет сидеть и думать, когда придет Советская власть и с дому его выгонит. Или пушку сделает и по ним стрельнет... ? Ну уж, из дерева и пушку, ? возразила Катя, заглядывая вверх. ? А что? Из нашей древесины все можно сделать. Запросто! Ты лезь сюда, Катюха. Посиди маленько. Скоро обед. Мы к одному норвегу кофий пить пойдем. Знакомый. Третью Карскую в Игарку приходит. Здорово кофий делает! Об этом "норвеге" и "кофие" Генка еще вчера не раз начинал рассказывать, да все не мог дорассказать. Что уж за такой за "кофий" готовил иностранец, одному Богу известно, а только поглянул он Генке до крайности. Купил однажды Генка самый дорогой кофе, сахару купил, молока, приволок все это домой и дал команду: ? Мама, орудуй! Я тебе буду говорить, а ты орудуй. Я высмотрел, как он все делает. Генка руководил, мать заваривала, но кофе получился далеко не тот, что у иностранца. ? Нет, по кофию нам их еще долго не догнать, ? сокрушался Генка. ? Тут у них, Катюха, норма своя и секрет. А разом у буржуя разве секрет выпитаешь? Слушай, Катюха, ты, может, сумеешь? Все-таки глаз у тебя женский, приспособленный к таким делам. Давай, а? Главное ? норма, понимаешь? Ты ему про норвегов говори, про знаменитых. Он и расплывется, и все выдаст. Я как скажу ему: "Амундсен, во! Нансен, во!" Он аж икру от радости мечет. Да я вот только двух этих и слышал. Может, еще есть знаменитые норвеги? ? Есть, Григ, например. ? Кто такой? Не фашист? Катя захохотала: ? Да нет, композитор. Давно жил. ? Композитора давай. Композитор подойдет. А еще нет ли? ? Ну, Ибсен ? драматург. Генка замаялся и сказал, что лучше про этого не поминать. По-ихнему, по-норвеговски, может-де, и ладно звучит, а по-русски ? неприлично. Катя опять захохотала. А Генка повторил: ? Да-а, по кофию мы их не скоро догоним. Зато по табаку догнали. Знаешь, мы здесь вот, в этом порту, когда маленькие были, дни и ночи околачивались. Ага. Сигареты просили. Бегаем, как щенята, за иностранцами и тьявкаем: "Комрад ? сигарет, комрад ? сигарет". Ну, которые давали, которые ? нет. Ребята все больше наперехвате были, там, на улицах стреляли, ? махнул рукой Генка на город. ? А я, понимаешь, проворный был. Я на пароход заберусь, бывало, и представляюсь. У меня зубы лопатой вышиблены, вот, ? показал Генка рукавицей на два вставных зуба. ? Ну я и шепелявлю, слова коверкаю. Они хохочут и сигарет дают. Полную горсть настреляю, бывало. И, понимаешь, обидно все ребятам отдавать, я и сам засмолю. Я через них, через этих буржуев, сколько здоровья потратил ? ужась! А что? Девяти лет курить начал. Сказывается, поди, на детском-то организме? Катя покосилась на приземистого, плотного Генку, у которого грудь выпирала из тельняшки, а мускулы так и ходили, комками перекатываясь, и сказала, что не очень-то заметно, чтоб ему буржуи здоровье подорвали. ? Незаметно? Тогда хорошо. А то из-за каких-то сигарет паршивых веку бы не дожил. И чем брали-то? Завертками блескучими да всякими коробочками. Ну, наши все это научились делать и теперь у иностранцев сигареты никто не просит. А то ведь фотографировали. Да, для своих газеток. Вот, дескать, советские дети попрошайничают. Меня тоже пытались фотографировать. Я говорю: "Пожалуйста, гуд

бай". А как они на меня аппарат наставят, я скосоротюсь и такую рожу сделаю, что ни на какую карточку не годится, ? тут Генка остановился и схватил Катю за руку. ? Слушай, Катюха! Ты не думай, что я к норвегу тебя за так веду. Я его тоже угощал. Ухой. Из налима. В прошлом годе. Думаю: ты меня кофею пришиб, так я тебя ухой доконаю.. ? Ген, Ген, ? перебила Катя Генку, ? кофе. Понимаешь ? кофе. И не норвег, а норвежец. ? Ладно. Пусть норвежец, ? подхватил Генка. ? Все одно ? буржуй. Ну вот, в гости я его зазвал. Уху сварил. Сам варил. Рыбацкую. Будь здоров, уха получилась! Поели мы с ним, выпили. Раздобрел он, вроде как бы малохоленький сделался. Плясать под радиолу ударился. Ну, думаю, сейчас самый момент ? и давай я его агитировать: "Переходи, ? говорю, ? на нашу сторону". Ну, не в смысле границы. А чтоб он за трудящийся народ стоял до скончания. Но он ничего этого не понял. Язык-то ихний я не знаю, и он нашего не знает тоже. А то бы я из него сторонника мира сделал. Запросто! Все, кто жил по ту сторону нашей земли, должно быть, казались Генке буржуями, а из политических деятелей колючей занозой застряла в Генкином мозгу фамилия одного Аденауэра. ? Ты знаешь, Катюха, после того разговора с норвегом, ну с норвежцем, решил я язык ихний учить. Книжек набрал. Долблю. Двадцать слов выучил. Через три дня забыл. Опять выучил. Опять забыл. Я к переводчику нашему. Так и так, хочу, мол, по-иностранныму выучиться. Он мне толкует: "Надо, Генка, систематически, каждый день заниматься". Ну, тут я и понял, что не по мне это дело, и бросил. Мне бы, понимаешь, такой язык, чтоб его сразу выучить. Привет передовикам коммунизма! ? заорал Генка, проходя с Катей мимо большого английского парохода. ? Комбригада здесь на погрузке работает Кости Путинцева, ? пояснил он Кате. ? Я в ней раньше тоже работал. Не подошел. По номенклатуре не подошел. Вижу, понимаешь, мнутя мои ребятки. А чего мнутя ? не пойму. Потом услышал, что они бригаду сколачивают, которая, значит, будет за коммунизм бороться. Так бы сразу, говорю, и сказали: "Мы, Генка, такое дело затеваем, при котором ты будешь компрометирующей еденицей". Ну и все, а то жметесь, как девочки. Я, говорю, и в другой бригаде не пропаду. А для вас, я и сам знаю, что неподходящий. Ишачить я ? пожалуйста. Пить ? тоже могу бросить, не больно много пью. Курить даже могу бросить, если надо, а учиться не пойду. Чтоб я в таком возрасте пошел в четвертый класс ? этого не будет! Ну и расстались. У нас бригада тоже законная. А что? Неужто мне сейчас учиться? Я шесть лет учился ? четыре группы кончил, так через это учительница на четыре года раньше на пенсию пойдет. Зачем вред учителям делать? Я их уважаю. Но прижима никакого не люблю. За всю жизнь только в одной организации состоял. В пионерах. Неделю. Выгнали, а в комсомол уж и не приглашали. Я тоже не просился. Обрати внимание, ? вдруг остановился Генка. ? Обрати внимание на пароход, который грузит Костина бригада. ? Катя внимательно осмотрела большой, угрюмый пароход. Краска на нем облупилась, по бортам вниз тянулись широкие ржавые полосы ? это из гальюнов и кухонь. Лебедки работали с визгом. ? Ты на флаг, на флаг посмотри. флаг выцвел и по краям растрепался до того, что цветастый жук уже с трудом угадывался на материи. ? А ты знаешь, какие до войны английские пароходы были? О-о! Войдет, бывало, в протоку чистенький, голосистый, у капитана и у всей команды нос выше трубы. А теперь, ты видишь, полное увядание капитализма. На износ работают. Правда, нос они еще задирают. Но мы-то уж видим ? карачун им подходит, карачун. У-у, аденауровец проклятый! ? покосился Генка на рядом стоявший пароход. ? Я бы им камней и то пожалел. А тут нашу древесину. У баб вон руки в кровь ? и кому? фашистам стараются. Не понимаю я, Катя, этого. Заедаются только. Обзывают нас всяко. И обзывают-то как? Выучили два-три слова, которые у нас ребятишки на подступах к настоящему матюку употребляют, и этими детскими словами донимают. Слова ? что, словами можешь. Но ты не лезь под руку, гад! Работать не мешай, не делай международный конфликт... Катя уже знала: раз Генка зашумел, начал рукой рубить, значит, тут дело касалось его, и осторожно спросила, что же это за конфликт такой был. ? Не знаешь? Я тут одного аденаурца учил советский трудовой народ уважать. У Кати даже спина похолодела, когда она это услышала. Грузила бригада стивидоров прошлым летом западногерманский лесовоз на рейде. Лесовоз был хороший, лебедки исправные, и все было ладно. Шли стивидоры с перевыполнением плана. На заносчивость и недружелюбие команды грузчики уже привыкли не обращать внимания. Да и предупреждены они все строго: "Делайте свое дело и не отвечайте на вылазки. Вы ? работники советского порта". Но на этом лесовозе команда оказалась уж особенно едучая. Вахтенные матросы тем только и развлекались, что, свесившись через борт, плевали на баржу, норовя попасть в грузчиков, кричали обидные слова и даже показывали язык, как дети. У причалов такие действия происходят редко. Там властей много и они быстро призовут к порядку, а на рейде совсем другое дело. Тут вся власть ? дежурный вахтер. Он, бедняга, стоит на корме баржи с ружьем, видит все это мелкое издевательство над своими рабочими, и по лицу его желваки от бессилия ходят. Хоть он и с ружьем, а все равно что безоружный перед такими

гадкими действиями, ибо нарушений-то в международном масштабе никаких нет, а так, плевки одни. Видя такую выдержанность рабочих, на лесовозе вовсе обнаглели. В особенности один из штурманов. Он даже на баржу по стремянке стал спускаться и привязываться к грузчикам. А они отстранят его рукой или доской нечаянно пихнут, и все это молчком, с полным презрением. Но однажды этот штурман спустился на баржу пьяненький, а может, и представился пьяненьким, и уж куражился он, куражился. Несколько раз вахтер вежливо просил его подняться на корабль, но он не подчинился власти. Почему-то прилип этот немец, как банный лист, к Генке. Здоровяк Генка, в руках у него все горит, двигается, живет. Работает играючи. Возможно, зависть взяла немца. Вот он и привязался к Генке, мускулы его щупает, руки сгибает: "О-о, ? кричит, ? гут арбайтер", ? а сам волком на Генку смотрит, ну и Генка на него тоже соответственно. По взгляду оба готовы съесть друг друга сырьем, а нельзя. Генка так и рассказывал Кате: ? Гляжу на него ? облизьяна, форменная облизьяна. Глаза возле ушей, а между глаз точь-в-точь две говядины висит. И вот так меня и подмывает закатать в эти говядины. А я терплю. Законно работаю. Работой только и дразню его, и зло срываю. От лебедки дым идет. И стерпел бы, наверное, Генка всякие надругательства аденауэрского штурмана, да тот уж совсем распоясался и давай изображать, как он во время войны таких, как Генка, на штык подымал и через себя бросал. Прямо так и показывает: поддеваю, мол, и бросаю. И зубы ощеряет при этом. Тут вахтер не вытерпел и сказал что-то тому недобитку по-немецки. Один стивидор немного знал немецкий язык и сразу перевел его слова. ? Что ж ты так ловко швырял наших, а сам за Эльбой очутился? Штурман взбеленился. Начал орать, руками размахивать, а работяга тот с пятого на десятое переводил. В общем, грозился немец выйти из-за Эльбы и свести с нами счеты. Вахтер замкнулся и снова на корму ушел, чтоб уж больше не прорвало его. А Генка понял, что у вахтера тоже край нервов наступил, потихоньку к нему с просьбой. ? Товарищ, корешок родной, разреши эту подлюгу укоротить? Терпежу нет. Разреши? Он подумал, подумал и сказал: ? Вали, только не сильно. Я ничего не видел, ничего не слышал. ? Пор-ря-док! ? заликовал Генка. ? Понимаю, все понимаю: открытый порт, дипломатия. Я его вежливенько, вежливенько. Ушел Генка на нос баржи, за доски. Немец туда же, за ним увязался. Глянул Генка по сторонам ? никого. Цап немца и посадил его на палубу, как на горшок. ? Тяжелый, спасу нет, ? рассказывал Генка Кате. ? У него одна задница в наш автобус не войдет. И как я его поднял, не знаю. Это уж я про отца и про братанов вспомнил, потому и поднял. Эх, как он сиганул с баржи! Где и пруть взялась. По веревочной этой лесенке быстрее облизьяны перебирался. А работяги свистят ему вслед. Ну, думаю, пропал я. Работаю. Жду. Вижу, и вахтер переживает. Проходит час, другой, ни гу-гу на корабле. Мы работаем. Немцы не плюютя. Вижу, начальник вахты ихней на баржу спускается. Ну, думаю, все: сейчас меня и арестуют. Прошел этот начальник мимо нас, никого не заметивши, и прямо к вахтеру. Что-то прогавкал ? и назад. Мы ? к вахтеру, узнать, что и как. А он смеется. Извиняться, говорит, приходил. Человек, говорит, допустивший нарушение, наказан: до конца погрузки выход на берег ему запрещен. Так что работайте, ребята, покойно. Рад вахтер, и мы рады. И тут я понял, как надо обращаться с этими людьми. Вежливостью их не проймешь, ? Генка помолчал, вытер нос рукавицей, ловко цыркнул слюну сквозь зубы, аж за край причалов, и угрюмо закончил: ? Ну, а меня все-таки вызывали к начальнику. Беседовали: "Так и так, товарищ Гуцин. Ты нам международные конфликты не устраивай". Слово дал. Терплю. Только неправильно все это. Ну, да ладно. Пока там суд да дело... Доканчивал этот рассказ Генка уже после смены, когда они с Катей вышли на высокий берег протоки. Возле устья протоки сжатым кулаком высунулся в Енисей каменный мыс и замкнул протоку от ветров и. бурь. За стрелкой острова и за этим мысом медленно, размеренно уходила вдаль река. На той стороне чуть виделись кубики домов поселка ? сгарая игарка. ? Завтра мы с тобой поплывем во-он туда, ? показывал Генка за мыс правой рукой, а левую в это время как бы ненароком просунул Кате подмышку и тиснул ее за грудь. Катя отпрянула, вспыхнула, хотела громко возмутиться, но Генка уже говорил: ? Там, верстах в пяти, у меня паромчик стоит. Проверим. Стерлядочек возьмем, а может, и осетра, на твоё счастье? А что? Законно. Ты ? девка фартовая! ? и Генка снова попытался игриво обнять Катю. ? Геннадий! ? сказала она. ? Когда человек блудит словами ? это еще куда ни шло, но руками... Генка смутился, заморгал, улыбнулся, поцарапал затылок и даже поутих на время. И сейчас вот за рулем он тоже сидит тихий, непривычно задумчивый и только ветерок перебирает его рассыпчатые волосы, бросает на глаза и все так же ярко, как крупные смородины, зреют эти глаза! Даже глядеть в них радостно. Столько там светится жизни, веселости, любопытства. Катя еще ни у кого не видела таких ярких, таких переполненных через край жизнью глаз. Тарахтит моторишко. Разбегается вода по бортам, кипит за кормою лодки. На подтоварнике лежат мешки с диким луком. Пахнет от них талым льдом, скудной береговой землей, студеным северным ветром, от которого все гнется, все

трепещет. Только лук растет себе по берегам, корнями широкими и работающими подбирая комочки почвы и оберегая эти комочки от ветров и воды. Он даже цветет, этот лук. Красиво цветет. Берег плещет радостью, когда раскроются сиреневые мохнатые шишечки лука. Они подолгу не засыхают и не осыпаются. Но там, где осыплется шишечка, на следующий год непременно прорастет хоть одно зерно, прорастет не стеблем, а целым пучком стеблей. Под мешками ? доски, а под досками ? немного воды, и в этой воде шлепаются, скребутся острыми гребешками стерлядки и костерьки. Осетр не попался. ? Нефартовая ты, ? сказал Генка, просмотревши две сети, связанные вместе, потому и названные паромом. Паром этот Генка ставил без наплава и потому искал кошкой. Искал долго. Ругался. Рыбнадзор ругал, который свирепствует и принуждает "трудовой народ" ловить рыбу тайком. Тарахтит моторишко. Бежит лодка. Катя думает о Генке. Все-то Генка умеет, все-то у него получается. Летели два чирка над водой, поравнялись они с лодкой, Генка трах-трах из ружья ? и оба чирка лежат вон в багажнике. Отличный стрелок Генка. Стрелять, говорит, надо без промаха. Если фашисты снова нападут ? пригодится. Мать бедная до того запугала себя насчет войны, что и места себе найти не может. Двух сыновей потеряла, мужа. Один сын остался. И беспокойный он, переживания из-за него сплошные. Но один он, один. Вся жизнь в нем. Иной раз ночью мать подкрадется к его кровати, пощупает ? здесь ли? Цел ли? Генка проснется, испугается ее взгляда. ? Ты чего, мам? ? Да вот про войну вчера опять по радио говорили. А ну, как грянет. Пропадешь ведь ты, пропадешь, сорви ты голова, ? и вот уже слезы у матери в горле бьются. А Генка, нет чтобы успокоить мать, спать ее отправить, начинает рассуждать: ? Я, мам, ежели она, проклятая, начнется, в разведку пойду, либо в снайперы налажу. Как шлепну вражину, так и зарубку на приклад поставлю, чтобы знал я ? ухлопал их столько-то и столько-то, а чтоб не вообще там воевал, может, убил, а может, нет. Мне надо точно ? за отца, за тебя, за братьев и за себя. И тогда уж я посмотрю ? пропадать мне или нет. Эти рассуждения до того доводили мать, что наутро она бежала по магазинам, закупала мыло, спички и табак. ? Ты куда это, мам, столько добра запасла? ? хмыкал Генка. ? Война ударит, опять постираться нечем будет, а табачишко-то тебе на дорогу, ? разъясняла мать. Генка падал на кровать и задира лодыжки. Нахохотавшись, он с полной серьезностью толковал: ? Сейчас, мам, война вдарит так уж такая, что все разом сгорит. Как от молнии. И мыло твое сгорит. И мы сгорим вместе с мылом. И снайперов никаких не будет. Это я так, со сна тебе нагородил. ? Чтобы ты пропал, аспид ты этакий! Я ведь весь твой аванс убухала, ? ругалась мать. ? Мыло ты соседям отнеси, а то еще заметут в милицию, как паникеров. Подумают, что со страху и корысти запас делали, ? давал распоряжения Генка. ? Откуда им знать, что ты войной ушибленная, ? грустно заключал он. Тарахтит моторишко. Бежит лодка по Енисею, вдоль бережка. Генка рулит и о чем-то думает. Он, оказывается, иногда тоже задумывается. О чем же? Катя тоже думала и смотрела на Генку. Он поймал на себе ее пристальный взгляд, встряхнулся и, потянув ручку руля на себя, глухо заговорил: ? А ты знаешь, Катюха, рулить меня учил Славка, братан мой, ? Генка с минуту помолчал и с выдохом, как-то непривычно кротко улыбнулся: ? Интересно же бывает в жизни! Вот было у меня два брата ? Славка и Петро. Славка и лупил меня, и ругал, а я его ни тютельки не боялся. А Петро, тот женатый был, никогда меня даже пальцем не тронул, а боялся я его, спасу нет. Почему это так, а? ? Не знаю, Геня, не знаю, ? в тон Генке грустно отозвалась Катя. Генка уловил грусть в ее голосе, и тепло в ее взгляде, и даже то, что сказала она не Гена, а Геня. Мягко как-то у нее это получилось. И потянуло парня на откровенность. ? Я уж на бирже работал, когда Славку в печку бросили, в Мухаузене. Рабочим я был, но ревел. Мать дома все редела, а я на работе, за штабелями. Мастер как-то меня застал. Я ему доской по башке съездил. Генка опять задумался, сомкнул губы, стиснул рукоятку руля так, что жилы напряглись на загорелой руке его, испачканной зеленью лука, Кате хотелось утешить Генку, но она подумала, что он, чего доброго, и ей съездит по башке и, вместо утешительных слов, назидательно сказала: ? Сколько раз я тебе говорила: произноси правильно слова. Ты же их приспособливаешь под свой быстрый язык. Все-то тебе некогда. Вот ты половину слова в употребление, а половину ? на ветер, в отходы. ? К примеру? ? покривил Генка губы. ? Ну вот, к примеру, сказал ? Мухаузен, а правильно ? Маутхаузен. ? А-а, ? разочарованно протянул Генка и вдруг рассердился, и понесся вскачь: ? За то, что поправляешь ? спасибо. Всегда тебя послушаю, потому, как ты с образованием. И масло у тебя в голове имеется. Но это слово, ? Генка стиснул зубы, ? это слово я все равно не буду правильно говорить. Нехорошее слово. Там людей живьем в печку бросали, а я еще буду стараться? ни в жисть! Мотор взревел. У лодки поднялся нос, и она понеслась вдоль берега и неслась так километра два. Вдали показались пароход. Он тянул матку. Матка ? это огромный плот, бревна на котором скатаны в несколько рядов. На плоту бывает дом, а то и два. Один с вышкой и антенной радиостанции. Когда нет парохода, матка плывет сама. Плывет по

нижнему течению семь верст в неделю, и только кустики мелькают ? как острят сами сплавщики. Поскольку эту матушку тащил пароход "Эвенк", то народ там занимался своими делами. Мужик в белой рубахе колот дрова, женщина что-то варила на таганке, сделанном прямо на бревнах и пробовала варево из ложки. За плотом гнались с криком и падали чайки. Генка-то знал, что они там на плоту варят. Раз чайки гонятся и дерутся, значит, рыбку там варят. По пути matka наезжает на наплава, к которым привязаны переметы и сети. Ну и плывут артельщики дальше, рыбку варят. Если рыбаки догонят, они добросердечно отдадут сети и переметы. Если никто не догонит, продадут снасти в станках на водку. Так и плывут артельщики до самой Игарки, припеваючи. Этот плот шел дальше, в Дудинку, и "Эвенк" тужился изо всех сил, бурлил кормою и дымил на весь Енисей. И matka, и пароход уходили как бы в распахнутые ворота. Берега Енисея вдаль не смыкались. Они, постепенно снижаясь, вытягивались в узенькие полоски и словно бы повисали в воздухе. Енисей уходил в эти распахнутые ворота к самому окоему, сливался с небом, с облаками в далекой дали. Катя так рассмотрелась на Енисей и на пароход, что не слышала, когда Генка снова сбавил обороты мотора и позвал ее тихо несколько раз, а потом пронзительно свистнул и закричал: ? Катюха! Катя вздрогнула и уставилась на него. Генка отвернулся, черпнул воды ладонью, попил и буркнул: ? Я что хочу у тебя спросить. Вот если мне денег подкопить и за границу попроситься. Пустят меня или нет? ? А почему же не пустят? Генка разом оживился: ? Ты думаешь, пустят, да? ? и сбивчиво принялся пояснять: ? Мать, понимаешь, все ноет. Хоть бы, говорит, косточку какую от Славки привезти и здесь похоронить. На чужой-то стороне, говорит, и в могиле тоскливше, ? Генка потупился, покатав ногой ковшичек, ? да и самому мне хочется поглядеть этот Мухаузен. Так пустят, говоришь? ? Я думаю, что да. Оформить документы, напишешь куда надо. С нашей фабрики вон рабочие в Болгарию и в Чехословакию ездили. ? Ездили, значит, и ничего? ? Ну, конечно, ничего. Хорошо, говорят, их принимали, как родных. ? А я ведь, Катюха, хотел еще в позапрошлом году, ссуду решил попросить, но ребята отговорили. И не пытайся, говорят, Генка, тебя не пустят. Туда, говорят, ездят люди с доблестью, герои труда. ? Ф-фу, глупости какие! ? возмутилась Катя. ? Да чем же они тебя-то забраковали? чем? Что ты ? головорез, пьяница, бандит? ? С детства так. С самой школы, ? признался Генка. ? Считают меня типом каким-то. А я ведь ничего парень, а? ? дурашливо выпятил грудь Генка. ? Ах ты, Генка, Генка! ? расчувствовалась Катя. ? Да ты у меня просто... ну... законный парень! Генка сначала захлопал ресницами, а потом покраснел, а покрасневши, догадался, что Катя увидела, как он покраснел, и вовсе стушевался. А стушевавшись, взял и заорал на всю реку: Катя кофий попивала, и с Прокофием гуляла. Катя, Катя, Катенька! Ды, отчего ж брюхатенька? Ой, то ли от кофия, то ли от Прокофня... В довершение ко всему обнаружилось, что Генка еще и на частушки мастак. И частушки-то знает одну зазвонистей другой. Катя каталась по луку, слушая их. Но Генка внезапно смолк и уставился на нее. Что-то незнакомое, манящее и хитроватое появилось в его глазах. ? Иди. Рулить научу, ? напряженным голосом позвал Генка. И Катя, робея, чего-то боясь, сисясь остановить себя, двинулась на Генкин взгляд. Он посадил ее рядом с собой на тесную скамейку, дал ей рукоятку и, полуобняв, прикрыл ее руку своей и стал учить: ? Назад ручку потянешь, значит, лодка вправо носом. Вперед ручку ? влево носом. Во-от так, во-от та-а-ак, ? Катя слышала Генкино дыхание на своей щеке, чувствовала, как напрягается и каменеет рука, она хотела рвануться с беседки, оттолкнуть Генку и никак не решалась. А когда, наконец, решилась и попробовала встать с места, Генка вдруг притиснул ее к себе, стал искать губами ее губы. Совсем близко Катя увидела его охмеленные, в страхе и отчаянии застывшие глаза. ? Гена! ? испуганно прошептала она. ? Генка, нельзя! Геннадий! ? и уперлась руками в его комковатую грудь. Грудь была твердая, напористая: ? Гена... ? Ну, что ты... что ты... жинкой станешь... Я тебя люблю и уважаю... Лодка качнулась, накренилась на левый борт и побежала от берега, забирая все левей, левей. На середине река она ударилась вниз по течению, плот догонять, потом еще левей, еще. Описала темный круг, другой и после этого порывисто ринулась к берегу, подпрыгивая на своей же волне. Растрепанный и растерянный Генка прыгнул к рулю, выровнял ход лодки. Снова побежала лодка вдоль берега, тихого, песчаного, на котором стрелками целился в небо дикий лук. А возле кустов догорали цветы ? жарки, топорщились метелки травы ? гусятника. А тоньше всяких роз пахла, некорыстная с виду трава ? кошачья лапка. А пароход и matka были уже там, где Енисей уходил в небо. И пароход, и matka, а точнее дом на матке, тоже повисли в солнечном воздухе и, казалось, вовсе не двигались, а так вот, висели и все. Катя лежала вниз лицом на горько пахнущих мешках и молчала, боясь поднять лицо. Все-таки она пересилила Генку, все-таки пересилила! Грудь его оказалась слабее ее рук. Так и надо! Так и надо! Генка привык все делать с налета. Не должен он так делать, не должен. Обязан он научиться хоть на шаг вперед смотреть. А то идет по жизни верхоглядом. Но как он сказал: "Жинкой

станешь!" Генка Гушин ? муж! Чудно даже. Генке Гушину ? "мужу" было очень стыдно и неловко. Чтобы не смотреть на Катю, он задрал голову и увидел, что от реки к берегу, с рыбешкой в клюве, летит чайка. Генка схватил ружье и, почти не целясь, выстрелил. Чайка вскрикнула: "криэ", ? и как скомканный тетрадный лист, завертелась в воздухе, упала в воду, поплыла, волоча перебитое крыло. И все стонала, вскрикивала чайка с недоумением и тоской: "криэ, криэ..." Генка догнал чайку, подчерпнул рукой, словно клок пены и бросил в лодку. Чайка смолкла, с беспомощным гневом глядела на человека. У нее был яркий, как цвет жарка, клюв. Такие же яркие лапы и круглые, с красноватым ободком глаза, какие бывают у рыбы-сороги. Она поводила из стороны в сторону сорожьими глазами, и красные ободки ее то гасли, то вспыхивали. ? У-у, зараза, злая какая! ? сощурился Генка и тронул чайку сапогом. Она вцепилась в носок сапога кривым, ярко-желтым клювом и захлопала здоровым крылом, будто била, боролась кого-то. Генка схватил чайку за шею, вынул из-под сиденья гаечный ключ и стукнул ее по голове. Она суматошно забила крыльями, попробовала крикнуть и выдула кровавую пену из клюва. Генка стукнул чайку еще раз, еще и вдруг услышал: ? Не смей! Крик был такой жуткий и неожиданный, что Генка выронил ключ и чайку. Птица перекувыркивалась через голову, судорожно подлетала, кровавая лодку, мешки, весло. Катя пятилась к носу лодки до тех пор, пока не нащупала рукой багажник и пятиться стало некуда. Она не могла оторвать глаз от чайки, которая билась все тише и реже. Но вот дрожь пробежала по чайке, она еще раз открыла окровавленный клюв и закрыть уже не смогла и вытянула лапы. Катя подняла голову. Генка, прищурившись, глядел на нее и надменно усмехался. Взгляд у него острый, и в этом взгляде еще не угасла жестокая искорка, которая вспыхнула, когда он бил чайку по голове, и ключ, как показалось Кате, оглушительно щелкал об ее череп. ? Ах ты, душегуб! Ах ты, душегуб! ? вдруг зарыдала Катя и упала на мешки, прижав к груди мертвую чайку. ? Ну-ка, ? грубо сказал Генка и, вырвав из Катиных рук птицу, швырнул ее, как тряпку, в носовой багажник. И, закрывая дверцу на деревянную вертушку, буркнул: ? Нежности телячьи! Платье все перемазала. ? Душегуб! Душегуб! Душегуб! Что она тебе сделала? Что? ? не унималась Катя, глядя на Генку потрясенно и яростно. Генка ничего ей не ответил, пихнул ногой ружье на мешки и полез в карман за папиросой. А Катя все плакала и уже не ругалась, не кричала. ? Ну, будет, будет, ? проворчал Генка, ? виноват я, что ли? Сама на мушку летит. Катя не отзывалась. Генка поерзал на сиденье. ? Для домашности старался. Чайкиным крылом пол хорошо мести. И золу из печки тоже.. законно. Долго ждал Генка хоть какого-нибудь ответа или звука от Кати, и не дождавшись, крикнул: ? Ну, хочешь, выброшу я ее? Мне, что ли, нужно? Катя не отвечала, не шевелилась. Она лежала ничком на мешках и уже, видимо, обессилела от слез. Плечи и спина ее больше не вздрагивали. ? Если ты хочешь знать, птица эта вовсе вредная, как ворона. Только водяная. Она, знаешь, сколько рыбы сжирает? О-го-го. А знаешь, их тут сколько? Тыщи тыщ. Вон колхоз в старой Игарке по рыбе на десять процентов план выполнил. Мелочь-то пожрали эти ваши чаечки, вот! Но тут Генка что-то вспомнил и замолк. Может, он вспомнил, что в подтоварнике у него лежат стерлядки и костери, а это, между прочим, маленькие осетры, костери-то, и поймал он их, между прочим, недозволенным образом. А таким образом в Игарке рыбу многие ловят, да и возле Игарки тоже. Давно ловят. Наверное, об этом и вспомнил Генка, а потом повысил голос: ? Вот они какие, чаечки-то ваши! Насочиняли про них песенок да стишков: "Белокрылая чайка, белокрылая чайка!" А она вовсе не белокрылая, а серокрылая. Это у нее только туша белая. Вранье все! Опять Генка замолчал, потому что начал-то он говорить сердито, на высокой ноте, а под конец голос его завял и вовсе уж виноватым сделался. ? Слыш, Катюха, не серчай! Нечаянно я, чесслово, нечаянно. Ну, хоть скажи что-нибудь? ? заорал он, выплюнув за борт окурочек. ? Воспитывай, что ли! Ругайся! Я люблю, когда ты ругаешься. Никакого ответа. Тогда Генка принялся ругаться сам: ? Да я чаек почти никогда не трогаю. Утку, гуся ? другое дело. А на эту погань и заряда жалко. Я уток за весну по сотне бивал. А что? Жалей уток-то, жалей! Птичка тоже, бедная, безвредная. А жрать чего будешь? Жрать-то вы все мастера. А кто добывать-то? Охотники! Душегубы! А вы скушаете. Котлетки-то ешь, небось, в столовке? Из чего котлетки делают? Между прочим, из коровы. За что же корову убивают? Всю жизнь ее сердешную за дойки тягают. Деточек ее молочком выкармливают, а как перестанет текчи молоко, нож ей в горло и на котлетки, ноги на студень, язык в ресторан, а там его поэты с шампанским сшамают и еще стих про чайку сочинят. Чувствительный народ! ? Не болтай! Замолчи! Не имеешь права! ? огрызнулась Катя, резко приподняв голову. ? Как это не имею? ? поразился Генка. ? Да я что, лишенец, что ли? Мне что, и говорить уж нельзя? Ты что думаешь, я уж в самом деле только на пакости гожусь. Я вон учительницу у вербованных отбил. Ту самую, которой нервы в школе потратил. Да. Учительню. Не веришь? Они у нее часы хотели снять, а я отбил. Они вон мне ножом в спину швырнули. А я матери сказал, что путь с причалов окорачивал и через забор

Астафьев Виктор Дикий лук astafevvictor.ru

биржи лез, а на ощепину наделся. Так и засохло. Тебе первой говорю, вот... А ты... ? уже с упреком закончил Генка и попытался еще чего-нибудь такое положительное вспомнить про себя. И не смог. Похвальных грамот ему не давали, медалей тоже. Даже когда всех сряду награждали медалями "За доблестный труд" в военные годы, его обошли, потому что несовершеннолетний еще был и работал на бирже почти тайком, по слезной просьбе матери. Мать уломала начальство, и его условно, без настоящего оформления приняли на укладку досок в штабеля. Все руки в занозах были ? старался от взрослых не отставать. Вот только занозы и достались ему, да еще несколько раз в приказах отмечали по праздникам. Но тогда почти всех отмечали и везде так отмечают, и этим Катерину не удивишь. Она вон комсомолка, в техникуме учится и работает, будь здоров, в коммунистической бригаде. А он ее лапоть принялся, расклевил этой чайкой, в нервное потрясение ввел. Недостоин он ее. Уедет она, плюнет на такого. И какой черт подсунил эту чайку? Летала бы стороной, а то на самую лодку, на ружье прет! Тут и не хотел бы, да стрелишь. И всю жизнь вот так. Мысли не держишь даже, чтобы чего-нибудь такое сделать, а оно все равно сделается. Так думал Генка. А Катя все не разговаривала с ним, но чувствовала: мается парень. А пусть мается, пусть! Легко живет, с хохотком, с шуточками. Надо же научить его хоть немного задумываться, хоть на шаг, на два вперед смотреть. Кто-то должен научить? Она? Сумеет ли? Пожалуй, не сумеет. Но она знает твердо лишь одно ? Генка не должен так жить, чтобы знакомых у него было рой, а друга ни одного. А он от силы бесится. Не знает, куда ее деть. Сегодня в чайку пальнул, завтра, может, и в человека пальнет. Генка Гуцин все может. От него что угодно жди. "Генка, Генка! Откуда ты взялся такой озорной и неудобный парень на мою голову?!" Протяжно вздохнула Катя, и давно зревшее решение, еще с того дня, как они ходили с Генкой по причалам, стало твердым и необходимым. Завтра же она пойдет па эти причалы, отыщет старый английский пароход, который грузит бригада Кости Путинцева, грузит с опережением графика, хотя и слабосильные лебедки на британском корабле. Она поговорит с этим Костей. Она еще посмотрит, что это за бригада, которая, двигаясь вперед, раскидывает на стороны таких вот парней, как Генка Гуцин. Она еще докопается и узнает ? соответствует ли эта бригада тому званию, которое носит. У нее тоже есть характер, пусть несильный, пусть бабий, но упрямства в нем хватит и на двоих. Ее характер закаливался в работе и, значит, он чего-то стоит. И она тоже член бригады, борющейся за право называться коммунистической. Пусть этой бригады и нет здесь, но она-то есть. Неужели она отвечает за себя и за людей только там, на обувной фабрике, в своем цехе, в своей бригаде? Нет, конечно, нет, и не должно так быть. Она ? человек. А человек, где бы он ни был, всегда ответствен за человека. Лодка мчится по Енисею, почти наполовину поднявшись над водой. По сторонам разлетается вспененная вода. Ревет мотор. Вдали гостеприимно открывается устье Губинской протоки, с чащей корабельных мачт. Трубы лесозавода на бирже видны и низкодомный деревянный город на берегу, в котором часто случаются пожары. А под окнами домов, как и во всяком другом городе, растет картошка. Но только в тех городах рядом с огородами не синее ягода голубика, не накаляется под солнцем морошка, не доцветает пахучий багульник, не кудрявятся мелколистные карликовые березки, не стреляет крошечными облачками трава-пушица. Лодка спешит к городу, в протоку, потому что поднимается ветер-север. Туда же, в протоку, прячутся и другие лодки, мелкие пароходы, катеришки. Ветер пока еще пробует силу. Прилетит резкий, тугий порыв, сморщит угрюмое лицо Енисея, поднимет столбики сухого песка, палый лист тальника ? бросит все это в воду, либо на камни, а потом усмирится на минуточку, подумает и опять дунет. Не торопясь, степенно, по-хозяйски расходится северный ветер, но бушует он иной раз суток по шести. И не останется тогда на небе ни одного облачка, ни одной тучи. И песок уже не будет кружиться, и палая листва тоже, и утки улетят с Енисея на озера отсиживаться и пережидать непогоду. Деревья, кусты, каждый цветок, каждая травинка склонятся под ветром, подставят ему спину. Все усмирит северный ветер. Только чайки с ликующими криками станут кружиться над волнами, пересиливая встречный ветер, да дикий лук на берегах будет все так же упрямо целиться набухающими стрелками в небо, и на каждой стрелочке будет долго-долго дрожать клейкая капля, налитая горьким луковым соком. И никакой ветер, даже север, не сломит стебли лука, не выдернет их из скудной прибрежной почвы, не собьет липкие капли. Их только солнце высушит. У дикого лука цепкий корень, живучий корень.

1959

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Астафьев Виктор Дикий лук astafevictor.ru

магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!